

ФУКИДИДОВСКИЙ «НЕКРОЛОГ» НИКИЯ (7.86.5) И ГРЕЧЕСКИЕ ЭПИТАФИИ

Использование надписей греческими историками неоднократно исследовалось и продолжает широко рассматриваться в научной литературе¹. Установлено, в частности, что надписи служат не только одним из источников сведений о различных событиях (наряду с устными рассказами), но и своего рода образцом документальной прозы, из которой заимствуются как отдельные термины и стандартные формулы, так и целые отрывки в качестве готовой языковой и понятийной формы для того или иного фактического сообщения. А.И. Доватур, проанализировав соотношение отдельных частей «Истории» Геродота и разных видов надписей (посвятительных, инвентаризационных, законов, декретов), приходит к выводу, что отличительные особенности стиля ионийской исторической прозы (единообразие, простота синтаксических конструкций) выработались первоначально в прозе документальной².

Если надписи официального содержания активно используются как материал для сравнения с сообщениями историков, то надписи надгробные, эпитафии, обращают на себя внимание гораздо реже. Однако можно предположить, что влияние эпитафий на содержание и стиль исторических сочинений было аналогичным влиянию надписей других типов, поэтому было бы закономерным привлечение их в качестве материала для сопоставления с некоторыми частями исторических сочинений. Такой подход намерен в монографии А.Дж. Помроя, посвященной исследованию кратких «некрологов» в античных исторических сочинениях, в основном римских³. Автор называет эпитафии в числе возможных образцов для подобных замечаний историков, наряду с эпосом и надгробными речами, на основании сходства их тематики и стиля⁴. Показательно, что связь некрологов в исторических сочинениях и надгробных речей была замечена еще в древности. Так, Сенека Старший пишет, что «историки, рассказав о смерти того или иного великого мужа, почти всегда подводят краткий итог всей его жизни и предлагают как бы надгробное похвальное слово»⁵. Этот прием особенно характерен для Тита Ливия⁶. Что касается Фукидида, то он, по словам Сенеки, помещает подобные «некрологи» «один или два раза» (*semel aut iterum*)⁷. Фукидид, в отличие от более поздних историков, не дает собственных комментариев по поводу смерти даже выдающихся личностей, за исключением Фемистокла (1. 138. 3), Перикла (2. 65), а также Никия. В данной работе предпринимается попытка интерпретации оценки, которую Фукидид дает афинскому полководцу Никию после его смерти (7. 86. 5), посредством сравнения с греческими эпитафиями VI–V вв. до н.э. Возможность такого сопоставления обусловлена тем очевидным фактом, что Фукидиду были известны, наряду с надписями других типов, эпитафии, а также надгробные речи. Об этом свидетельствует неоднократное упоминание о различных памятниках (*μνημεῖον* – Фемистоклу в Магнесии, 1. 138. 5; Брасиду в Амфиполе, 5. 11.1; ὁ τάφος ἐπισημότατος – могила афинян, 2. 43. 2; речь Перикла, и надпись на этой могиле – *στῆλῶν ... ἐπιγραφῆ*, 2. 43. 3), процитированная в его «Истории» эпитафия Архедики, дочери афинского тирана Гиппия (6. 59. 3), а также составленная самим историком речь Перикла при погребении

¹ См., например: Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 10–45; Gomte A.W., Andrews A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. V. 1–5. Oxf., 1945–1981 (далее – НСТ); Hornblower S. Thucydides. L., 1987. P. 89–91.

² Доватур. Ук. соч. С. 45.

³ Pomroy A.J. The Appropriate Comment: Death Notices in the Ancient Historians. Frankfurt, 1991.

⁴ Ibid. P. 14, 18.

⁵ Quotiens magni alicuius viri mors ab historicis narrata est, totiens fere consummatio totius vitae et quasi funebris laudatio redditur (Sen. Suas. 6. 21).

⁶ См. Кузнецова Т.И. Историография и риторика. Речи в «Истории от основания Рима» Тита Ливия // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М., 1989. С. 222.

⁷ Sen. Suas. 6. 21.

афинских воинов, павших в первый год Пелопоннесской войны (2. 35–46). Таким образом, сопоставление с эпитафиями оказывается вполне органичным.

Завершая рассказ о Сицилийской экспедиции афинян (415–413 гг. до н.э.), Фукидид сопровождает сообщение о гибели полководца Никия следующим замечанием: καὶ ὁ μὲν τοιαύτη ἢ ὅτι ἐγγύτατα τούτων αἰτία ἐτεβήκει, ἤκιστα δὲ ἄξιος ὢν τῶν γε ἐπ' ἐμοῦ Ἑλλήνων ἐς τοῦτο δυστυχίας ἀφικέσθαι διὰ τὴν πᾶσαν ἐς ἀρετὴν νεομισμένην ἐπιτήδευσις – «По этой или примерно по этой причине он и был убит, будучи меньше всех из эллинов моего времени достойным столь несчастной участи, так как он во всем своем поведении следовал общепринятым представлениям о доблести» (7.86.5). Хотя это предложение не лишено двусмысленности, понимание его с точки зрения грамматики в настоящее время разногласий не вызывает: синтаксическая структура подробно разбирается в комментариях Й. Классена и А. Гомма⁸. Однако при этом возможно по-разному понимать значение слова ἀρετὴ в данном контексте, что объясняется как несоответствием данного пассажа предшествующему повествованию, так и семантикой самого этого слова. Известно, что греческое слово ἀρετὴ имеет сложную семантику; его значение в самом общем виде определяется как «полное соответствие реальной жизни вещей их принципиальному назначению»⁹, на основании лексического окружения выясняются различные семантические варианты. Это семантическое разнообразие ἀρετὴ проявляется и в «Истории» Фукидида¹⁰. Слово встречается 43 раза, причем один раз употребляется по отношению к неодушевленным предметам (о почве – ‘плодородие’, 1. 2. 4). Характерно, что подавляющее большинство случаев (36) приходится на речи. Значение ἀρετὴ не остается неизменным, что можно проследить и по тексту Фукидида. Так, ἀρετὴ обозначает ‘воинскую доблесть, храбрость’ (2. 87. 9; 4. 126. 2 и др.), ‘проявление доблести, замечательные поступки’ (только в форме множественного числа, 2. 35. 1, 42. 2 и др., в том числе и одной из речей Никия – 7.69.2 – αἱ πατρικαὶ ἀρεταί), ‘благодетельное’ (2. 40. 4; 3. 58. 1; 4. 19. 3). ‘Аρετὴ спартанского полководца Брасида заключается в справедливом отношении к жителям завоеванных им фракийских городов (4. 81. 2), Писистратидов – в их умеренном правлении и следовании законам (6. 54. 5)¹¹. Таким образом, можно заключить, что ἀρετὴ состоит в честном исполнении человеком своих обязанностей, которые предписаны ему общественными установлениями, и проявляется в его поступках, заслуживающих самой высокой оценки.

Что же касается Никия, то его ἀρετὴ подразумевает верность принципам, стойкость и постоянство в следовании образцам поведения политиков эпохи Перикла. Обращает на себя внимание слово ἐπιτήδευσις ‘деятельность’, которое встречается в «Истории» Фукидида всего два раза. Кроме «некролога» Никия, оно используется еще только в надгробной речи Перикла (2. 36. 4), когда речь идет об общих принципах, которыми руководствовались в своей деятельности афиняне и благодаря которым Афины достигли могущества¹². Таким образом, у Фукидида прослеживается связь фигуры Никия с идеалом афинского гражданина, а оценка жизни Никия дается в контрасте к частной жизни Алкивиада (τὴν ... ἐς τὰ ἐπιτηδεύματα οὐ δημοτικῆν παρανομίαν – 6.28.2)¹³. Можно сказать, что значение слова ἀρετὴ в данном случае приобретает моральный оттенок¹⁴. Этот же семантический оттенок ἀρετὴ имеет, по мнению исследователей, и в Мелосском диалоге, когда дается оценка спартанской

⁸ НСТh. V. 4. P. 463; *Thucydides* / Erklart von J. Classen. Bd 7. В., 1908. S. 227, 280–282. Оба определения – и πᾶσαν, и νεομισμένην – согласованы с ἐπιτήδευσις, от которого зависит ἐς ἀρετὴν.

⁹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 2. М., 1994. С. 289.

¹⁰ О значении ἀρετὴ у Фукидида см. *Lange E.* Die Bedeutung von ἀρετὴ in Thucydides // *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik.* 1892. 145. S. 827–840; *Huart P.* Le vocabulaire de l'analyse psychologique dans l'oeuvre de Thucydide. P., 1968. P. 447–451; *Hooker J.T.* Χάρης and ἀρετὴ in Thucydides // *Hermes.* 1974. 102. 2. S. 165–169.

¹¹ См. *Hooker.* Op. cit. S. 165; *Карпюк С.Г.* Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. № 3. С. 54.

¹² См. *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. V. 1. Oxf., 1997. P. 298.

¹³ См., например: *Westlake H.D.* Individuals in Thucydides. Camb., 1968. P. 209.

¹⁴ См. *Hooker.* Op. cit. S. 165.

политике (5. 105. 4). Хотя Фукидид не умалчивает о недостатках Никия, его излишней медлительности и осторожности, и слова, подводящие итог жизни Никия, на первый взгляд, не соотносятся со всем предшествующим повествованием, однако историк относится к нему с симпатией и вряд ли говорит о нем с иронией¹⁵. Фукидид отдает должное выдающемуся государственному деятелю периода могущества Афин, который пытался в своей деятельности следовать образцам поведения политиков эпохи Перикла, но в изменившихся условиях это привело его к гибели¹⁶.

С этим замечанием Фукидида можно сопоставить слова, которые историк вкладывает в уста Никия, прежде всего, довод в пользу мира в V книге «Истории» (события 421 г. до н.э.: 5. 16. 1). Никий стремится заключить мир, желая, в частности, чтобы в будущем осталось его имя как человека, прожившего жизнь, ни в чем не причинив вреда родному городу – *βουλόμενος ... καὶ τῷ μέλλοντι χρόνῳ καταλιπεῖν ὄνομα ὡς οὐδέν σφήλας τὴν πόλιν διεγένητο*. Нельзя не заметить, что здесь присутствуют те же мотивы, что и в эпитафиях, представляющих умершего идеальным гражданином (*ἀγαθὸς πολίτης*), своими поступками оставившим после себя добрую память. Таким образом, Никий, возможно, пишет себе эпитафию еще при жизни. Это, на первый взгляд, случайное совпадение подтверждается, если сравнить речи Никия (6. 9–14, 20–23, 68; 7, 48, 77) и замечание о нем Фукидида (7. 86. 5) с надгробной речью Перикла, где имеются параллели как содержательные, так и чисто лексические, – это уже не раз отмечалось в научной литературе¹⁷. Очевидно, что надгробные речи выполняют те же функции, что и эпитафии, поэтому вполне закономерным оказывается присутствие в них сходных мотивов. В речи Перикла это мотив вечной, бессмертной славы в противоположность краткой, полной опасностей жизни и смерти в бою¹⁸. Сочетание *ἀγαθὸς πολίτης* встречается и в речах самого Никия (6. 9. 2; 6. 14 – речь в афинском народном собрании по поводу сицилийского похода). Очевидно, возможно будет найти параллели также между речами Никия, замечанием Фукидида и эпитафиями¹⁹.

Известно, что для эпитафии, как, впрочем, и для надписи любого другого типа, характерна предельная насыщенность информацией, стремление вместить максимум содержания в ограниченный объем текста. Поэтому их форма и содержание строго регламентированы наличием определенного набора мотивов и ряда стандартных формул для их выражения²⁰. Уместно вспомнить еще раз, что на стиль эпитафий оказали влияние, с одной стороны, эпос, с другой – элегия²¹. Наиболее ранние прозаические эпитафии VII в. содержат лишь имя умершего, но уже в VI в. появляются поэтические эпитафии, в задачу которых входит не только увековечить имя умершего, но и дать ему характеристику²². Мотивы, присутствующие в античных эпитафиях, подробно рассмотрены в диссертации Р. Лэттимора²³.

¹⁵ Westlake. Op. cit. P. 209.

¹⁶ НСTh. V. 4. P. 463–464; Карпюк. Ук. соч. С. 52, 54, 57.

¹⁷ См., например; НСTh. ad loc.

¹⁸ Loraux N. The Invention of Athens. Cambr. Mass., 1986. P. 55.

¹⁹ А. Гомм отмечает, что сочетание *πάσα ἀρετή* становится формулой в эпитафиях IV в. (НСTh. V. 4. P. 463).

²⁰ Чистякова Н.А. Греческая эпиграмма. СПб., 1993. С. 328; Day J.W. Rituals in Stone: Early Greek Epigrams and Monuments // JHS. 1989. 109. P. 16. Эта же сжатость, как известно, является особенностью стиля Фукидида.

²¹ О стиле эпитафий см. Чистякова. Ук. соч. С. 330, 337–338; Friedländer P., Hoffheit H.B. Epigrammata. Greek Inscriptions in Verse. From the Beginning to the Persians Wars. Berkeley–Los Angeles. 1948. P. 7, 66. Гомеровские формулы, использующиеся в эпитафиях и посвяжительных надписях, см. в издании: Kaibel G. Epigrammata ex lapidibus collecta. B., 1878. S. 694–700.

²² Day. Op. cit. P. 17; Skiadas A.D. Ein Beitrag zur Interpretation der griechischen metrischen Grabinschriften // Inschriften der Griechen. Grab-, Weih- und Ehreninschriften / Hrsg. von G. Pfohl. Darmstadt, 1972. S. 67, 71. Первую эпитафию исследователи находят у Гомера (II. 8. 89–90) – см. Шебалин Н.В. О «гомеровской» формуле в эпитафиях // Вопросы античной литературы и классической филологии. Л., 1966. С. 60–69; Skiadas. Op. cit. S. 63–64.

²³ Lattimore R. Themes in Greek and Latin Epitaphs. Urbana, 1942.

Как уже говорилось, основной тенденцией эпитафий является представление умершего с наилучшей стороны, что достигается перечислением его положительных качеств без указания на конкретные факты биографии²⁴. Обращает на себя внимание частое использование существительного ἀρετή и соответствующего ему прилагательного ἀγαθός. В ряде случаев значение ἀρετή можно определить как 'воинская доблесть, храбрость': ἀρετῆς κλέος (2 = IG I².763 = IG I³.503, 476/475 г., Аттика)²⁵, ἀθανάτων μνήμη ἀρετῆς (6 = IG I².943 = IG I³.1162, 447 г., Аттика), μνήμη ἀρετῆς (155, 476/475 г., Парос). Эта ἀρετή представляет собой воплощение идеалов аристократического общества, умершие уподобляются героям гомеровского эпоса. Когда же говорится об обстоятельствах смерти, то это смерть воина, сражавшегося в первых рядах (ἐν προμάχουσι, см. 10 = IG I².945 = IG I³.1179, 432 г.; 27 = IG I³.1240, 540–530 г., Аттика; 112 = IG VII.2247, Беотия) за свободу своей родины (4 = IG I².946 = IG I³.1181, 458/457 г., Аттика). Смерть в бою – достойное завершение жизни для того, кто проявил себя как ἀγαθός, поэтому его смерть вызывает скорее чувство гордости, чем сочувствия²⁶. Перикл говорит, что именно в смерти проявляется ἀρετή (2. 42. 2). Никий также умирает на войне, однако не в бою, а в плену, когда его казнят сиракузяне (7. 86. 2,5), поэтому Фукидид считает, что его гибель в плену способна вызвать лишь жалость. В качестве антитезы можно привести эпитафию, рисующую образ славнейшего из граждан (δοκίμωτατος ἀστῶν – ср. ἤκιστα δὲ ἄξιος ὢν τῶν γε ἐπ' ἐμοῦ Ἑλλήνων), смерть которого явилась завершением его безупречной (ἀμώμητον) жизни (172, 490 г.). Понятие, обозначаемое словом ἀρετή, часто фигурирует и в посвятительных надписях. В этом случае ἀρετή проявляется в отношениях между людьми и целыми государствами, выражается в разного рода услугах и благодеяниях, о которых упоминается (ἀρετῆς ἔνεκα – 272 = IG I².530 = IG I³.850, 470–460 г., Аттика; 416 = IG XII. Suppl. p. 163. 412, 525–500 г., Фасос и др.). Эта формула встречается и у Фукидида, в речи платейцев, где они вспоминают об услугах, оказанных Греции лакедемонянами (3. 58. 1)²⁷. Для обозначения других качеств используется слово σώφρων (σωφροσύνη), семантика которого уже ближе к умственной сфере, часто в сочетании с ἀγαθός или ἀρετή: ἀγαθοῦ καὶ σώφρονος ἀνδρὸς (36 = IG I².988 = IG I³.1269, 530 г., Аттика; 16 = IG I².974 = IG I³.1197, Аттика и др.), ἀντ' ἀρετῆς ἠδὲ σωφροσύνης (41 = IG I².986 = IG I³.1211, Аттика), σωφροσύνης ἔνεκεν ἠδὲ ἀρετῆς (58 = IG I³.1357, 510–500 г., Аттика). Это сочетание можно рассматривать не только как выражение двух различных понятий, указание на разные качества человека, но и как выражение одного понятия через объединение двух слов (существительных или прилагательных), часто синонимов, что является не только одной из особенностей языка надписей²⁸, но и характерно для греческого языка вообще²⁹. Можно даже проследить то же направление развития семантики ἀρετή в языке надписей, что и в тексте Фукидида³⁰.

Если ἀρετή воинов – это прежде всего храбрость, проявленная в сражении, то для Никия – это качества, которые сопровождают его в течение всей жизни. В его последней речи, произнесенной после решающего сражения, когда афинское войско было окончательно разгромлено, и перед отступлением из Сицилии (7.77), дается более развернутое объяснение того, что обозначено в его «некрологе» как ἡ ἐς ἀρετὴν νενομισμένη ἐπιτήσσεισις – «осуществление общепринятых представлений об ἀρετή»: πολλὰ μὲν ἐς θεοὺς νόμιμα δεδιήτημαι, πολλὰ δὲ ἐς ἀνθρώπους δίκαια

²⁴ Ibid. P. 285.

²⁵ Нумерация и текст приводятся по изданию: *Carmina epigraphica Graeca saec. VII–V / Ed. P.A. Hansen. V., 1983.*

²⁶ Lattimore. Op. cit. P. 238.

²⁷ См. Hornblower. A Commentary... P. 452.

²⁸ Использование двух слов для выражения одного понятия в греческих посвятительных надписях IV в. и, в частности, словосочетание ἀρετή καὶ εὐνοία, рассматривается в ст.: *Nachmanson E. Zu den Motivformeln der griechischen Ehreninschriften // Inschriften der Griechen ... Darmstadt, 1972. S. 153–172.*

²⁹ См. Лосев. Ук. соч. С. 389 (о термине «калокагатия»).

³⁰ См. Friedländer. Op. cit. P. 15; Skiadas. Op. cit. S. 81.

καὶ ἀνεπίφοβα – «по отношению к богам я вел себя согласно установлениям, по отношению к людям совершил много справедливых и безупречных поступков» (7. 77. 2). Смерть Никия представляет неза заслуженной, и Фукидид употребляет по отношению к ней слово δυστυχία – несчастье, неожиданный резкий поворот судьбы, предвидеть который невозможно. Известно, что в «Истории» Фукидида Никий изображается сначала любимцем τύχη, а затем ее жертвой. При упоминании о Никии используются слова εὐτυχῆς (5. 16. 1; 6. 17. 1 – речь Алкивиада), εὐτυχία (7. 77.2 – речь самого Никия), однако в его речах содержатся призывы не доверять τύχη (6. 11.6, 23. 3). В эпитафиях, особенно начиная с IV в. τύχη предстает как божество смерти, из зависти губящее доблестных людей (ἀγαθός)³¹. Удалось найти лишь одну эпитафию V в., где используются слова с этим корнем – εὐτυχία и συντυχία (93 = IG I³. 1320, 410–400 гг., Аттика).

Итак, смерть Никия вызывает не гордость, а сожаление. Мотив жалости (οἶκτος) также присутствует в эпитафиях, где сожаление выражают либо сами близкие, либо обращаются с такой просьбой к проходящим мимо (στῆθι καὶ οἴκτιρον – 27 = IG I³. 1240, 28 = IG I². 971 = IG I³. 1204 и др.)³². Никий, обращаясь к воинам, говорит, что они больше достойны жалости богов, чем их зависти (οἴκτου ... ἀξιώτεροι ... ἢ φθόνου – 7. 77.4), поскольку их несчастье обрушилось на них неза заслуженно (παρὰ τὴν ἀξίαν ὕβυ κακοπαθεῖς; οὐ κατ' ἀξίαν – 7.77.1; 77.3). Фукидид также считает Никия «менее всего заслуживающим» (ἥκιστα δὴ ἀξίος – 7. 86. 5) такой смерти.

Однако, как уже говорилось, задачей эпитафии является увековечивание памяти об умершем, поэтому очевидно, что еще одним характерным мотивом будет мотив бессмертной славы, заимствованный из эпоса и присутствующий не только в эпитафиях, но и в посвященных надписях: δόξαν ἀγαθῆν (396 = IG XIV. 652, Метопонт, 522–500 гг.), ἵνα κλέος εἶη (459 = IG XII. 1. 137, Родос, VI в.), ἔσται κλέος ἀφθιτον αἰεὶ (2), μνήμα ἀθάνατον (103 = IG II/III². 3. 2. 11429a, 400 г., Аттика). О том, что Никий руководствуется в своих действиях заботой в том числе и о собственной репутации, уже сказано выше. Известно, что долисы часто изображаются у античных историков как живые организмы, как обобщенный образ их жителей, поэтому, подобно отдельному человеку, рождаются, достигают своего расцвета и умирают. А.Дж. Помрой приводит примеры «некрологов» городам из произведений римских историков³³, однако в качестве эпитафии городу можно рассматривать и последнюю речь Перикла (Thuc. 2. 60–64). Г.Р. Иммервар отмечает, что в этой речи Перикл противопоставляет непостоянную, способную измениться в зависимости от обстоятельств блестящую репутацию (λαμπρότης) и вечную, неизменную славу Афин как великого города, которая останется в будущем (ἐς τὸ ἔπειτα δόξα αἰεμίτητος καταλείπεται) (2. 64. 5)³⁴. Слова, вложенные Фукидидом в уста Перикла, можно сопоставить с уже приведенными выше словами Никия об отношении к нему будущих поколений (καὶ τῷ μέλλουσι χρόνῳ καταλιπεῖν ὄνομα – 5. 16. 1). Таким образом, просматривается параллель в трактовке образов Афин и Никия в «Истории» Фукидида: перемена счастья приводит Никия к смерти, но репутация лучшего гражданина остается за ним. Никакие несчастья не могут изменить отношение к Никию как к идеальному гражданину, что нашло отражение в замечаниях Фукидида и более поздних авторов³⁵.

Итак, в комментарии, которым Фукидид сопровождает свой рассказ о смерти Никия, присутствуют мотивы, характерные для содержания и стиля эпитафий современной и предшествующей Фукидиду эпохи. Историк выступает в данном случае как восприимчивый традиции, устоявшихся норм поведения и форм их обозначения. Как можно заметить, эпитафия рисует некий идеал, которому Никий пытался следовать в течение всей своей жизни.

О.В. Осипова

³¹ Lattimore. Op. cit. P. 149–150.

³² См. Sourvinou-Inwood С. «Reading» Greek Death: To the End of Classical Period. Oxf., 1996. P. 175–179.

³³ Pomeroy. Op. cit. P. 255–257.

³⁴ Immerwahr H.R. «Ergon»: History as a Monument in Herodotus and Thucydides // AJPh. 1960. 81. 3. P. 289.

³⁵ Так, в «Афинской политике» (28.5) Аристотеля Никий назван одним из βέλτιστοι.

NIKIAS' «EULOGY» IN THUCYDIDES (7. 86. 5)
AND GREEK EPITAPHS

O.V. Ossipova

The author undertakes an interpretation of the characteristic given by Thucydides to the Athenian general Nikias after his death (7. 86. 5) comparing this «eulogy» with Greek epitaphs of the 6th–5th c. BC. This comparison seems appropriate because Thucydides was acquainted with epitaphs as well as with inscriptions of other types. It is well known that for ancient Greek historians inscriptions were not only sources of information, but also of terms, formulas and patterns of describing an event or characterizing a person. The paper shows that the comments given by Thucydides in his account of Nikias' death have much in common with topic and style of the epitaphs contemporary with Thucydides as well as the earlier ones. In this particular case the historian appears to have adopted both the traditional norms and values and the way to express them.